

Чэн Си очнулся от едкого запаха гари. Разомкнув веки, он понял, что уснул прямо сидя, а шальная искра успела опалить ему добрую половину волос. Вода в котелке на треноге, исходившая паром битый час, наконец-то закипела и теперь шумно бурлила. Дрожа от холода, юноша бросил в угли несколько сырых поленьев. Влажная древесина тут же зашипела, выпуская клубы черного дыма, от которого Чэн Си закашлялся до слез. Наконец слабое, едва живое пламя неохотно лизнуло ветви, едва осветив дальний угол заброшенного святилища, где они укрылись от бури.

Заброшенная обитель ютилась на отвесной круче, зависнув меж небом и землей. Десятки массивных деревянных свай намертво крепили ее к самой середине скалы. Единственным выходом наружу служила извилистая тропа, высеченная прямо в утесе, но сейчас ее полностью поглотил свирепый буран. Ветхие створки ворот снаружи яростно бились на ветру, оглушительно хлопая. Сквозь щели внутрь непрерывно сквозил ледяной воздух. К глубокой ночи у порога намело сугробы в локоть шириной, отливавшие в темноте зловещей, мертвенной белизной.

Выдохнув облачко пара, Чэн Си подкатил тяжелый валун и подпер им скрипучую дверь, после чего, растирая оковевшие пальцы, побрел обратно в свой угол. Там, на ворохе ветхих молитвенных циновок, застеленных сорванной со стены грязной мешковиной, ютилось их жалкое лежбище. В этом пыльном гнезде, свернувшись калачиком, лежал истощенный юноша. Его смоляные волосы разметались в беспорядке, а плечи прикрывал рваный плащ. Из-под полы сиротливо виднелись бледная щека и беззащитная худая голень. Даже сквозь измождение проступали утонченные, благородные черты лица, но сейчас он казался до крайности хрупким. Под тяжелой тканью угадывалось исхудавшее тело — кожа да кости. Грудь его мерно и тяжело вздымалась при каждом хриплом вздохе.

Жун Ин был тяжело болен.

Шел десятый день их бесконечного бегства.

Закон выживания главных героев при падении в пропасть сработал безупречно. Десять дней назад тот безумный удар мечом не только отбросил преследователей, но и спровоцировал сход лавины. Жун Ин, крепко прижав его к себе, ринулся в бездну и приземлился прямоком в глубокий сугроб, отделавшись лишь парой ушибов. А дальше они заблудились. Двое израненных, едва живых беглецов блуждали среди диких круч, то и дело натываясь на шайки рыщущих повсюду демонов. Но Жун Ин, даже таща на себе бесполезный балласт в лице Чэн Си, крошил нечисть направо и налево. Каким-то чудом он сумел вывести их обоих из этого гиблого ущелья, кишящего порождениями тьмы.

Вот только на полпути выяснилось, что они шли в прямо противоположную сторону.

Духовная Гора возвышалась на севере, а они упрямо брели на юг, отклонившись от намеченного пути на добрую тысячу ли. Единственным утешением оставалось то, что за перевалом должен был показаться первый город. Там, среди людей, наверняка найдутся бессмертные мастера, у которых можно попросить защиты. Очевидно, почувствовав близость спасения, Жун Ин наконец позволил себе ослабить хватку. Но едва они добрались до этой

полуразрушенной обители, как юноша замертво рухнул на пол, до полусмерти перепугав своего спутника.

Опустившись перед ним на колени, Чэн Си коснулся лба юноши и отпрянул: тот так горел, что кожа казалась раскаленной. С трудом перевернув беспамятного Жун Ина на спину, он распахнул полы его изодранного халата. В зыбких отсветах пламени взгляду открылось жуткое зрелище: на теле не осталось живого места.

Следы от бича, синяки от ударов дубиной, обморожения и, наконец, самая страшная рана на животе — глубокий ножевой порез, оставленный рукой прежнего владельца этого тела. За все десять дней Жун Ин ни разу к ней не прикоснулся. Края разорванной плоти воспалились, опухли, из них сочилась мутная сукровица вперемешку с гноем.

Чэн Си решительно не понимал, как этот парень до сих пор не испустил дух.

Достав из заплечного узелка последний чистый лоскут ткани, он опустил его в кипяток, чтобы хоть как-то продезинфицировать, тщательно выжал и принялся бережно промывать края раны. Во время спешного побега им некогда было собирать припасы, поэтому скудные запасы целебных мазей давно истощились. Из оружия у Чэн Си остался лишь спрятанный за пазухой кинжал. Даже часть одежды им пришлось по дороге разорвать и бросить в лесу, чтобы отвлечь демонов, так что из теплых вещей у них уцелел лишь этот выдавший виды дорожный плащ, которым Чэн Си укрывал раненого.

Сейчас они оба больше походили на уличных попрошайек, которые раз сто вывалились в дорожной грязи.

Чэн Си осторожно приложил теплую влажную ткань к израненному телу. Мелкие ссадины и рубцы от плети уже подсохли и начали затягиваться, но колотая рана на боку выглядела ужасающе. Она вздулась багровой опухолью, а поверх нее запеклась корка из каких-то наспех разжеванных целебных трав, которые Жун Ин диким образом втер прямо в разорванную плоть. Теперь это месиво напоминало скользкую серую плесень.

Осторожно кончиком кинжала Чэн Си принялся счищать эту зловонную кашицу, и из-под нее тут же брызнул мутный гной. При столь запущенном воспалении оставался лишь один выход: срезать мертвые ткани, вычистить рану и попытаться остановить кровь. Чэн Си лихорадочно осмотрел узелок, но никаких мазей не нашел. Ткани тоже почти не осталось — разве что оторвать еще полосу от собственной исподней рубахи. Единственным спасением были расставленные по углам старые бронзовые треножники для выплавки пилюль: растапливая в них чистый снег, он мог не экономить горячую воду.

Смыв грязь и копоть вокруг раны, Чэн Си прижал лезвие кинжала к воспаленной плоти. Но стоило холодной стали коснуться живого мяса, как находившийся в беспамятстве юноша хрипло выдохнул и резко выгнулся дугой. В следующее мгновение Чэн Си даже не успел сообразить, что произошло: его опрокинули навзничь, с силой впечатав лопатками в ледяной пол, а чужие пальцы мертвой хваткой сомкнулись на его горле, лишая возможности вздохнуть.

— Да ты издеваешься... — прохрипел Чэн Си, тщетно пытаясь глотнуть воздуха. — Опять, твою мать?!

В полумраке заброшенного храма Чэн Си судорожно вцепился в запястья Жун Ина. Тонкие, изящные пальцы юноши держали его шею мертвой хваткой, словно стальные тиски. Сколько бы Чэн Си ни пытался разжать их, нападавший лишь сильнее наваливался сверху, неумолимо перекрывая кислород.

Жун Ин сейчас напоминал затравленного дикого зверя: взъерошенный, содрогающийся всем телом от ярости и лихорадки, он давил с такой нечеловеческой силой, будто вознамерился свернуть спутнику шею. Метка Проклятия Жизни и Смерти на ладони Чэн Си вспыхнула нестерпимым жаром, словно к коже прижали раскаленное клеймо. И сквозь пелену угасающего сознания Чэн Си вдруг уловил отголоски чужих мыслей — хриплые, полные слез и отчаяния крики, раздавшиеся прямо у него в голове.

"За что вы хотите убить меня?! Почему все предают меня?! За что... за что вы все меня ненавидите?!"

"... Больно... Учитель... Мне так больно..."

"... Помогите... Неужели никто мне не поможет?..."

"... Я ведь ни в чем не виноват... Ни в чем..."

Перед глазами Чэн Си все поплыло, а в ушах не умолкал этот полный невыносимого страдания плач. Он сквозь туман посмотрел на искаженное лицо юноши, чьи губы были плотно сжаты, и в его гаснущем разуме вдруг вспыхнула догадка:

«Так Проклятие Жизни и Смерти связывает наши разумы в обе стороны?!»

Понимая, что яростное сопротивление лишь распаляет безумный инстинкт самосохранения Жун Ина, Чэн Си принял решение. Он разжал пальцы, отпустил чужие запястья и, преодолевая удушье, заставил свое тело полностью расслабиться. Перестав бороться, он осторожно протянул руку и ласково опустил ее на вздыбленную, худую спину юноши. Чэн Си принялся медленно, убаюкивающе гладить его от затылка до поясницы, словно успокаивал испуганного дикого зверя.

— Тихо... — прошептал он пересохшими губами. — Не бойся... Всё уже позади.

Чужое тело под его ладонью так немилосердно горело и дрожало от лихорадочной судороги, но даже в таком состоянии этот сумасшедший обладал силой разъяренного тигра. Теряя сознание от нехватки воздуха, Чэн Си сквозь наплывающий мрак вяло подумал, что если этот паршивец вырубится еще раз, он непременно свяжет его по рукам и ногам.

Жун Ин бредил. Ему снился кошмар.

Он снова переживал свою прошлую жизнь.

Он видел себя бредущим по лезвиям ножей, карабкающимся вверх лишь для того, чтобы раз за разом лететь в темную пропасть. Ему заживо ломали кости, одну за другой, и медленно вырезали сухожилия. То он лежал среди гниющих трупов на чужом погосте, медленно превращаясь в прах вместе с палой листвой, то отчаянно дрался, грыз глотки тварям в бездонных расщелинах Духовной Бездны. Перед глазами мелькали то алые от крови одежды Учителя, то белоснежное одеяние первого ученика Линчжоу. Красное и белое сливались в безумный вихрь, застывая багровыми пятнами на яшмовых плитах Помоста Вопросания Сердца. И отовсюду на него смотрели сотни полных ненависти глаз.

"Сдохни!"

"Выродок!"

"Чудовище!"

"Зачем ты вообще вернулся?!"

Действительно, зачем?

Почему вам позволено жить, а мне — нет?

Почему вы можете нежиться в роскоши и стремиться к бессмертию, пока я заживо гнию в преисподней, пополняя своими костями фундамент вашего процветания?

Жун Ин сжался еще сильнее, превратившись в беззащитного ребенка, забившегося под чужой забор. Шел густой снег. Мальчик изнемогал от голода и дрожал всем телом. Это был канун Нового года. По воле могущественных бессмертных над столицей Округа Небесного Равновесия всю ночь взмывали волшебные огни, сотканые из чистой духовной силы. Они рассыпались в небе разноцветными искрами, окутывая гуляющих горожан мягким, согревающим сиянием. Улицы сияли ярче солнечного дня, бурля праздничной толпой. И никому не было дела до грязного угла под стеной, где в ледяной тени медленно коченел сирота.

«Как же холодно... — сквозь пелену угасающего сознания думал маленький Жун Ин. — Почему мне так холодно?»

Волшебное тепло бессмертных не греет ничтожных букашек. Узкий проулок у сточной канавы оставался невидимым для праздного мира. По одну сторону глухой стены кипела яркая, ликующая жизнь новогодней ночи, по другую — застыл безмолвный, ледяной ад. Глядя на

тающие в небе искры фейерверка, ребенок медленно сползал в грязную жижу. Но вдруг его кто-то обнял. Чьи-то нежные, теплые руки прижали его к себе, а мягкая ладонь коснулась его головы.

"Не бойся..."

Ветер выл за порогом, швыряя в щели колючую снежную крупу, в костре с треском лопались угли. Чэн Си уже готов был лишиться чувств, как вдруг Жун Ин судорожно вздохнул и распахнул глаза, вырываясь из плена кошмара. Пальцы на шее разжались. Сквозь упавшие на лицо пряди волос на Чэн Си уставился тяжелый, темный взгляд, сочащийся первобытной жаждой убийства. Но стоило Жун Ину узнать лежащего под ним человека, как эта ярость сменилась брезгливым раздражением.

— Руки убрал, — хрипло, едва слышно выдавил Жун Ин.

Чэн Си послушно отдернул ладонь, которой до этого гладил его по голове, и торопливо отполз в сторону.

Бессильно повалившись обратно на циновки, Жун Ин шумно выдохнул облачко пара.

— Который час?

— Глубокая ночь, — отозвался Чэн Си, потирая ноющее горло и стараясь держаться поближе к очагу.

Он чувствовал себя совершенно разбитым. Прежний хозяин этого тела явно не отличался отменным здоровьем, и после стольких дней лихорадочного бегства у Чэн Си ломило каждую кость, а голова раскалывалась от тупой боли. Единственным облегчением было то, что стоило Жун Ину прийти в себя, как жуткие крики о помощи в ушах затихли. Наслаждаясь долгожданной тишиной, Чэн Си прикрыл глаза, чувствуя, как его непреодолимо клонит в сон у теплого костра.

Окинув взглядом бережно перевязанные раны, Жун Ин приподнялся и набросил тяжелый плащ на плечи Чэн Си.

— Ложись спать. Я посторожу. На рассвете спустимся с горы.

Чэн Си сонно пробормотал что-то невнятное в ответ. Он сквозь полуприкрытые веки наблюдал, как Жун Ин хладнокровно достает кинжал и принимается срезать омертвевшую кожу. Парень промывал и перевязывал свои жуткие раны так спокойно, будто занимался будничным делом, и даже бровью не вел. «Да уж, главный герой — настоящий кремень, — вяло восхитился Чэн Си. — Железный человек».

Жун Ин подбросил в костер веток. Пламя разгорелось ярче, выхватывая из темноты половину его лица.

Кутаясь в плащ, Чэн Си уже проваливался в сон, когда тихий голос у костра заставил его вздрогнуть:

— Почему ты не сбежал, пока я спал?

— Ты ведь наложил на меня Проклятие Жизни и Смерти, — пробормотал Чэн Си, утыкаясь носом в воротник и не желая шевелиться. — Куда мне бежать?

Жун Ин помешал угли прутиком.

— Тогда почему не убил меня? За перевалом начинается обжитая земля. Моя смерть освободила бы тебя.

Чэн Си, чья голова то и дело бессильно клонилась к груди, с трудом разомкнул веки. Сонный разум просто не уловил скрытой в вопросе угрозы, поэтому он ответил со всей прямоотой:

— И как бы я это сделал? У тебя хватка... просто бешеная! Ты меня чуть на тот свет не отправил.

— Да и к тому же... ты ведь хороший человек. Столько дней пробирался через эти проклятые кручи и не бросил меня, обузу. С чего бы мне бросать тебя здесь одного?

— Смотрю, ты неплохо меня изучил, — зловеще протянул Жун Ин.

— Да нет... — пролепетал засыпающий Чэн Си. — Не так уж и хорошо... Совсем чуть-чуть... — Он лениво приподнял руку и растопырил пальцы, показывая крошечное расстояние. — Вот столечко.

Его голова окончательно склонилась набок, и юноша затих, свернувшись калачиком у холодной каменной стены. Сейчас он напоминал наивного глупого кролика, который беззаботно подставил брюшко спящему хищнику, даже не подозревая, насколько близко подобралась к нему смерть.

Жун Ин крепче сжал сухую ветку. В глубине его темных глаз бушевал ураган противоречивых чувств.

Прошло много времени, прежде чем он наконец тихо выдохнул:

— Ладно. Живи пока.

<http://bllate.org/book/18408/1799564>